

Леонид Аронзон

СТИХИ

Публикация Владимира Эрля

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЛЕОННДЕ АРОНЗОНЕ (1939-1970)

1

Я горжусь тем, что мне выпало счастье быть другом Леонида Аронзона. Наша дружба длилась чуть больше двух лет и прервалась (по моей вине) весной 1967 года.

Когда меня познакомили с Аронзоном, ему было двадцать шесть лет, мне еще не исполнилось восемнадцати. Он был уже в то время поэтом с определенным литературным именем. В доме Аронзона бывали такие люди, как Леонид Битин и Алексей Хвостенко, Леон Богданов и Ерий Галецкий, позже - Анри Волохонский и Евгений Михнов.

Я хочу особо отметить, что, хотя наше знакомство состоялось на чисто литературной почве, а Аронзон ежеминутно буквально дышал стихами, наши отношения были вполне человеческими и - несмотря на солидную разницу в возрасте - на равных. В частности, мы были (по его инициативе!) на "ты".

Я бывал в доме Аронзона практически ежедневно и терзал его своими стихами. К слову сказать, я не был его учеником в обычном смысле этого слова, к тому же моя строптивость... Только через несколько лет после смерти Аронзона я стал сознавать, скольким я ему обязан, и в первую очередь тем, что он открыл передо мной классическую поэзию: Боратынского, Пушкина, Державина.

Аронзон твердо отстаивал свои творческие позиции (как и я свои), что, однако, никако не мешало ему ценить темы моих сочинений (впрочем, чаще - только части их, увы!), которые были действительно удачны или, по крайней мере, неожиданны. Несколько раз мы предавались совместному творчеству, хотя, к сожалению, результаты оказались, на мой взгляд, неудачными.

Я уже сказал, что наши отношения были на равных - благодаря этому обстоятельству я, совсем тогда юный начинающий поэт, приобрел особое, переданное мне моим старшим

другом зрение, точнее, мироощущение. Я перестал ощущать разницу в возрасте, хотя сначала, конечно же, смотрел на него "снизу вверх", да и чувствовал себя порой в не по чину бархатной шубе. Эта, вообще присущая Аронзону черта - быть вне всяких условностей, быть раскрепощенным и свободным - освободила и тех его друзей, которые способны были принять свободу как норму.

По моей просьбе Аронзон часто показывал мне свои стихотворения и прозу, многое дарил, давал с собой на время, иногда просто читал вслух. Ему были присущи также необыкновенное сстроение и самоирония. Иногда, прочитав какое-либо стихотворение из ранних, он комически ужасался или начинал хохотать.. Чаще, однако, он хохотал над виршами современных ленинградских поэтов: вкус у него был точный, слух и глаз - острыми, поэтому, разбирая усиленное или прочитанное, он был беспощаден.

Я слышал чтение стихов - не побоюсь сказать - сотни поэтов. Поразили меня только двое: Кручених и Аронсон. Аронзон читал чужие стихи так, как будто это были его собственные, только что написанные, еще не прожигшие стихи. Никогда не забуду, как он читал свое любимое: Воспоминание Пушкина, Астон Красовицкого, Запускение Боратинского, Приморский сонет Ахматовой...

Мы довольно часто выпивали или просто сидели и курили - то у него дома, то гуляя по улицам, то специально выезжая за город... Иногда мы заходили в кино. Как-то мы забрались в бывшие Новости дня и несколько раз подряд смотрели фильм Ива Кусто из подводной жизни. Кадры фильма то необыкновенно веселили нас, то вызывали леденящий ужас. А однажды нам довелось испытать ужас несколько иной. Мы забрали, прогуливаясь, в Дом писателя и застали там следующую сцену: сгрудившись вокруг заставленного чашечками из под кофе стола, группа молодых поэтов, подняв к потолку горящие глаза, хором читала: Свеча горела на столе, / Свеча горела... Чувствовалось, что они предаются этому не первый раз. Аронзон скривился и выскоции за дверь. Там он долго бился в корчах - топал ногами, плевался, хохотал...

Вообще он был очень азартен. Однажды я купил два военных пистолета, и мы устроили буйную дуэль. Помню, что я стрелял метче. Было много шума и хохота.

Я познакомил Аронзона со своими друзьями, поэтами с Евой Садовой: Романом Белоусовым, Тамарой Буковской, Александром Мироновым, отцом Хеленуктизма в России Дмитрием М. Ж^к (ему Аронзон посвятил свою небольшую поэму Сельская иудия) и другими. С некоторыми из них Аронзон тоже коротко сошелся; Рома Белоусов, в частности, стал в 1967-68 гг. его учеником.

... Я хотел бы как можно меньше или вообще не говорить о себе, и все, что сказано выше, сказано только затем, чтобы дать несколько живых штрихов к портрету очень остроумного, обаятельного и необыкновенно талантливого в человеческом общении Леонида Аронзона. Он никогда не был, что называется, всеяден, и мы, совсем тогда юные, интересовали его как новые люди, еще не известные ему своим, именно нашему возрасту присущим, складом. Мы были для него новость, шире, как говорится, — и о них, — а к новому Аронзон стремился всегда. Он хотел видеть и знать все. Характерно его высказывание о любимом им Кафке: "Как это все знакомо! Скушно читать — словно лежать в теплой ванне".

Вот его любимые поэты: Пушкин, Державин, Боратинский, Слебников, Красовицкий, Заболоцкий. Какется, он совсем не знал Вагинова, Введенского и Крученых. Почти совсем не знал Хармса. Очень любил Кротонский полдень Бенедикта Лившица. Любил Мандельштама и Пастернака. Иногда восторженно, иногда иронично читал Ахматову. Ею и Цветаевой он "переболел" в юности. Знал на память громадное количество стихов. Любил, как всем понятно, поэтов-графоманов. С восхищением юторя строки Анастасского:

Полетела роза,
На зердутовых крылах,
Взмыли вертузова, —
С ним летит в его руках.

*) Автор предисловия тоже был Хеленуктом (Ред.).

Очень любил бабочек и рыб. Набокова не любил.

Аронзон был очень музикален. На магнитофоне были записи Майлза Дэвиса и Рэя Чарльза (это то, что я помню точно). Очень любил итальянское барокко. Восхищался Итальянским концертом Баха (Глен Гульд - судьбы моей танго / играет с нотными звонками).

Не умел рисовать, Аронзон начал в 1966 году писать маслом и написал великолепный автопортрет. Рисовал очень смешные и выразительные карикатуры. А какими чудесными размышлениями оформлена рукописная книга Ave!.

Еще одной его страстью был кинематограф. Особенно он восхищался гениальным фильмом Чайки умирают в гавани и Бергманом.

Моби Дик и Гоголь почитались им едва ли не как Библия.

х х
 х

Вот, я уже прожил на несколько лет больше Лени. Но я с каждым годом все чаще думал о нем с тоской и любовью. Мне выпало громадное счастье знать и быть другом такого замечательного человека и поэта, как Леонид Аронзон. Я необыкновенно горд тем, что мне посвящено несколько его стихотворений - и среди них такое жесткое, как

Мы - судары, и, нас гоня,
брега расступятся, как чехарь,
и горы нам запечатлеют
скакки безумного коня.
И на песке озерных плесов,
одетый в утренний огонь,
прекрасноликий станет конь,
внимая пляску наших весел.

II

Нам известно более двадцати так или иначе зафиксированных заметок и статей об Аронзоне. Часть их - либо краткие биографические справки о поэте, либо "вводки" к публикациям его произведений; большинство остальных носит вос-

коминательно-упоминаятельный характер. Собственно поэзии Аронзона посвящены только пять интересных работ, это (в хронологическом порядке): часть статьи Виктории Андреевой "малом круге" поэзии,¹ выступление А.Б.Альтшулера на вечере памяти поэта в 1975 г.,² Статья об Аронзоне Елены Варц³, комментарий С.В.Дедюхина к двум стихотворениям⁴ и доклад Рафала Топчиева Леонид Аронзон: Память о рэе (5).

Впервые о самом существенном в поэзии Леонида Аронзона сумела сказать (правда, очень робко) В.Андреева: "...Аронзон⁶ оставался... поэтом внутреннего уединения, погруженным в созерцание ,пейзажей своей души ,..." его стихах, как, впрочем, и в чертаках его лица всегда уствновлялся отзвук "зазеркалья", того смещенного мира, оторванный мучительно тревожил поэта". Далее она продолжает - всем уже неверно: "Желание проснуться, - выйти из сомнамбулического сцепления действительности - его настойчивая мечта" (95).⁷ Гораздо точнее (мы во многом следуем за ним в своих рассуждениях) поставил вопрос о "внутреннем" мире поэта Рафаил Топчиев: главное, - говорит он, - то, что Аронзон "знал что-то очень важное и о многом рассказал нам. И вот, одна из таких важных вещей - это память о рэе.

Аполлон-77. - Париж, 1977, с.95-96.

37: № 12. - Л., 1977, осень, с. 48-50.

Там же, с. 112-115.

Стихи ленинградских поэтов об Анне Ахматовой /Собрал и прокомментировал С.Д. - В печати.

Рукопись. - Изложение доклада опубликовано в заметке М.Г. Памяти Леонида Аронзона. - Часн: № 27. - Л., 1980, сент.-окт., с. 296-298.

Такова орфография В.Андреевой и редакторов-составителей альманаха!

Здесь и далее страницы указанных публикаций даются в тексте.

поэта есть прямые признания, что он был там. Образы, запечатлевшиеся в его памяти, воссоздают его стихи".⁸ Далее, постоянно называя мир поэта Раеи, Топчиев четко, кратко и с большой тонкостью характеризует его и описывает его обитателей (см. ниже наше возражение), природу и топографию. Не вступая в бесцельный спор с автором доклада, который мы, повторяем, очень высоко оцениваем, скажем только, что предпочтаем называть мир, воссозданный в творчестве поэта, не Раи (ср. заметку Р.Пуришинской, где сказано то же слово, однако с совершенно иной интонацией и, следовательно, смыслом, - с. 2), а миром - пейзажем или пейзажем - миром.⁹

Мой мир такой же, как и ваш... -

писал Аронзон в 1970 году, -

тоска - тоска, любовь - любовь, и так же
снег пушист,
окно - в окне, в окне - ландшафт,
но только мир души.

Этот мир-пейзаж, как отмечается нами в примечаниях (см. с. 2), впервые предстает перед нами в полном, развернутом виде в Послании в лечебницу, медленно, как проявляющийся отпечаток, проступая сквозь начальный пейзаж насмурного парка и одновременно сливаясь с ним.¹⁰ Добавим, что этот пейзаж при этом - изображение и мы и автора послания, которое рисует на сыром песке его подразумеваемый герой-адресат. Здесь следует сказать о характерной для Аронзона теме, которая проходит через все его творчество, начиная с самых разных стихотворений, - теме подобья,

Доклад Р.Топчиева цитируется по рукописи, любезно предоставленной нам Р.Пуришинской.

Здесь кажется неуместным рассуждать о религиозном смысле творчества Л.Аронзона и о его взаимоотношениях с Богом. Скажем только, что он, как и всякий подлинный поэт, глубоко чтил Бога Творца и ощущал свою нерасторжимую с Ним связь. Да и какое вообще истинное творчество возможно без веры, в какой бы форме она не существовала?..

⁸ Несколько днями раньше поэт, сравнивая с будущим ми-

отраженности. Вначале эта тема (формулируясь самим автором как нетленная жадна подобья и язык отраженья) сводилась, в конечном счете, к зеркалам¹¹; после 1964 г. зеркала теряют постепенно свою особую привлекательность и становятся обыденными предметами, вещами рядового обихода. В позднейших стихотворениях тема подобья и отраженности замещается темой множественности, многогипности каждого существа и персонажа, а также тождественности, всего во всем (ср.: А я становился то тем, то этим, то тем, то этим, / чтобы меня заметили, / но кто увидит чужой сон?; Чем не я этот мокрый сад под дождем...?; Мне ли забыть, что земля внутри неба, а небо - внутри нас? и, наконец, Все - лицо: лицо - лицо...).

По Топчилеву, мир поэта "населяют легкие, летучие, подвижные существа..., четвероногие - редкость". Однако это не так, по крайней мере, не совсем так. Наряду с бабочками и другими многочисленными насекомыми одним из постоянных и нынешних обитателей мира-пейзажа Леонида Аронзона является такой конкретный (и, в контексте стихотворений, чаще всего неподвижный) персонаж, как конь, причем ни в коем случае не Конь-бабочка... Таинственная лошадь-стрекоза Анри Волохонского. Конь Аронзона всегда сопряжен с лесным берегом ручья или озера (Будут кони бродить и, к ручью наклонясь, смотреть; ... вот кони бегут..., красный конь свое лицо / птиц, наклонясь к воде лесной. Ср. также приведенное тремя страницами выше восьмистишие 1965 года). Иногда конь замещается лосем: ... здесь (на том же берегу, - В.В.) мог бы чащи этой лось / стоять, любя свою печаль; интересен и, так сказать, "обратный ход": дева ... к водам голову склоня, / в них видит белого коня.

ром-пейзажем чистое утро апреля, определяет его как то, о чем я не помню.

¹¹ Ср. в стихотворении Камарово (начало 1964 г.): ...какется, умрите вы сейчас, / и зеркало оставит все, как есть...

Таким образом, точнее было бы определить персонажей и обитателей мира-пейзажа Леонида Аронзона как существа изо- и антропоморфные, довольно свободно видоизменяющиеся, а точнее — иногда являющиеся автору-наблюдателю в виде зыбком, не вполне отчетливом и ясном (например: что там, дерево ли, конь / или все же неизвестный?). При этом и обитатели, и детали мира-пейзажа поэта, повторяю, — весьма конкретны и воплощены автором в прямом смысле этого слова. Аронзону — вообще свойственна в очень большой мере конкретность образа, его материализация, — так самое невещественное, прямо определяемое или, по крайней мере, осознаваемое автором как видение, приобретает сначала видимость (Стали зриими мири, / что доселе были скрыты), а затем и вес, плотность, даже запах. Такую материализацию можно проследить в пределах всего лишь двух строк: Чей том взиех, чья луна или это молитва сема? — здесь происходит наглядное, на наш взгляд, нарастание, уплотнение и, наконец, воплощение образа: и вершину холма украшает нагое литья!¹² Следует также заметить, что мир-пейзаж, конкретно-материальный в поздних стихотворениях, виделся поэту и много раньше, где он воспринимался, однако, еще как своего рода декорация в мире "общенном", едва сквозь него проступая: И в отраженьях бытия — / потусторонняя реальность, / и этой ночи театральность / превыше, Господи, меня.

Мир-пейзаж поэта (и это одновременно личный мир Леонида Аронзона) был осознан им не сразу. В ранних стихотворениях лирический герой любуется пейзажем, ландшафтом природы (это все те же лесной берег, поляна и ручей, холмы и озера: моей души пространство...) и описывает его в традиционной, в основном, манере; чуть позже (почти одновременно с "пейзажными" стихотворениями) начинает настойчиво звучать тема социального, если можно так выразиться, положения в мире, причем здесь мы видим чаще всего противостояние человека окружающему миру, данному опять-таки теми же пейзажами, но только едва немечеными, упоминаемыми как бы

¹² Ср.: Там, где девочкой нагой / я стоял в каком-то лесу (выделено нами, — В.Б.).

искусств. Этот, "социальный" период почти практически исчезает из лирики поэта и очень скоро сменяется новым "пейзажным" периодом, где человек и природа связаны друг другом уже неразрывно. ¹³

Весной 1967 года во вступлении к неоконченной поэме Задачи поэт признается:

я отношусь к писанию строго
и Бога светлые слова
связую, чтобы тронуть вас

и ставит себе задачу

идти туда...,
где только Я передо мной,

чтобы

внутри поэзии самой
открыть гармонию природы.

Очень точно говорит о поэзии Аронзона его ближайший друг и поэт Александр Альтшулер. Характеризуя его поэзию как поэзию состояний, он говорит, что его поэзия и жизнь "прошла не просто в словах, она прошла в каком-то состоянии, для которого слова оказались малы, — эти слова натягивались" и далее — "в последнем чтении его стихов — такое впечатление, что он эти слова натягивает на всю жизнь человеческую..., стараясь в словах увидеть весь простор человеческой души, ... здесь была какая-то протянутая доброта человеческой души" (49). ¹⁴ Это состояние поэта, эту жизнь в двойном — этом и своем мире (мире-пейзаже) — Р. Топчиев очень удачно определил в своем докладе как инобытие. Именно описанием инобытия посвящено все позднейшее творчество Леонида Аронзона. ¹⁵

¹³ В этих заметках мы часто упоминаем и цитируем ранние стихотворения (до 1964 г.), однако поэтика раннего творчества Аронзона, конечно же, заслуживает специальной работы, поскольку составляет в своем роде совершенную и замкнутую систему.

¹⁴ В указанной публикации дан неправленный текст стенограммы вечера (кроме одного выступления, написанного его автором заново спустя два года); мы приводим выправленный текст.

Необычное в этих описаниях начинается с точки места-нахождения героя-наблюдателя (точнее, созерцателя¹⁶) стихотворений. Иногда поэт находится в центре пейзажа, иногда он наблюдает самого себя, находящегося в пейзаже, а иногда создается впечатление, что автор видит себя, наблюдающего свой собственный сон (ср.: ... как бы видя резвый сон, / я молчалив, бык и спокоен), в котором герой-автор видит себя, видящего себя, помещенного в центр пейзажа. Уже давно традиционным стало мнение, что сны кинематографичны — очень часто можно услышать фразу вроде "Мне сегодня показывали чудный сон". Мы не хотим сказать, что мир-пейзаж являлся поэту в неких сновидческих состояниях¹⁷, нет, этот мир-пейзаж был очень конкретен и материален, в нем поэт творил свое иное бытие и в нем скрылся от нас навсегда...

Подчеркиваем только, что мир поэта — очень кинематографичен.

Характернейшей чертой мира-пейзажа Аронзона является его полная тишина (Как тихо в темной тишине...), которую автору иногда хочется нарушить: озвучить думами и слогом или, обратясь глазами к тишине, / цитировать "Пир" и "Запустенье",¹⁸ настолько она напряжена (ср. в сонете 1966 г.,

¹⁵ Ср. в выступлении А. Альтшулера: "... единственным членом этих стихов мог являться только Ленин, и то — когда он читал, он многое привирая, потому что не мог прочесть то состояние, которое вообще находилось за этими стихами" (49-50).

¹⁶ Отметим позу героя-созерцателя — это чаще всего русская медитативная поза: герой лежит или подулежит на берегу, в траве лесного пейзажа, иногда в кресле: Так обратясь к себе лицом, / лежал он на песке речном; Оставь лежать меня в бору; / с таким как у озер лицом; И синей лодкой на песке / улегся в трех озерах осоке; Себя в траве лежать оставил, / смотрю...; полуслуху, полулечу; сам в кресле дельти развались и мн. др.

¹⁷ Сны — совершенно особая тема, их часто наблюдают персонажи как ранних, так и поздних стихотворений Аронзона. Добавим однако, что эти особые состояния поэта, даже несмотря на его же собственные слова ...но кто увидит чужой сон?, не следует связывать с хорошо обезжоженной и навязшей у всех на зубах бабочкой из Чукотки.

¹⁸ Соответственно поэма и элегия Евгения Боратынского.

где описывается полуночное бдение героя: тумя сознанье, падает наук, / свет из окна приобретает шорох - выделено нами, - В.Э.. Напомним, что немой фильм-пантомима для актера и кинокамеры Алана Фрайдера и Семюэля Беккета такжеозвучен в своей первой части записанным на звуковую дорожку шорохом, шуршанием, непрерывно делящимся на одной ноте; вторая и третья части Фильма идут беззвучно).

В то же время нельзя сказать, что "мир Леонида Аронсона - тишина". Поэт часто описывает тишину, но, говоря его же словами, Не си, иную тишину. Иногда эта - иная тишина, тишина его мира-пейзажа - определяется поэтом как молчание (ср. ранее: и долгое молчание кругом), причем молчание, которое Есть между всем и - есть матерьял для стихотворной сети, где слово - нить (однако также заполненное молчанием), с помощью которой блоки или куски молчания сшиваются в одно целое!

Хотя в своем последнем прозаическом сочинении Ночь - пришло письмо от Ляли... автор пишет, что бульварный вопрос о музыке и тишине решился в пользу тишины, однако музыка также постоянно присутствует в мире-пейзаже поэта от раннего чистое утро апреля... / подобное арие до позднейшего Глен Гульд - судьбы моей талер ¹⁹.

Если заумь можно, по нашему мнению, определить как метаэзик, то звуки тишины мира-пейзажа - музыку, голоса, пение - надо трактовать как мета- и одновременно прозвуки, звучащую память о них. Кажется, поэт попал в мир, откуда приходят к нам эти голоса, пение, музыка, - звуки, которые мы вспоминаем, не слышав их раньше, и которые слышали до того, как услыхали их. ²⁰ Иными словами, это было состояние, когда

¹⁹ Здесь, конечно же, имеется в виду его исполнение Итальянского концерта Баха с замедлением, с такими невероятными паузами Adagio, что невольно начинает казаться, что слушаешь Звенящую тишину или отрывки из 4'33'' Кейджа.

²⁰ Ср.: Пророди парстранный ковер / в рулон скатай я из начальниий (выделено нами, - В.Э.) и, с другой стороны, и... узнают то, что люди узнают только после их смерти...

в котором ... прежде губ уже родился пепот²¹ — именно так возникали и жили звуки в иной тишине поэта. Более того, именно они-то и были ею: Меч о меч — звук. / Дерево о дерево — звук. / Молчание о молчании — звук. При этом слова для Аронзона приобретали самое существенное — молчание, окрашенное интонациями; если он и вел в своем инонитии речь, то интонациями, — наиболее значимым, наиболее информативным для него видом высказываний: Передо мной столько интонаций того, что я хочу сказать, — признается поэт, — что я, не зная, какую из них выбрать, — молчу (ср.: Сегодня я целый день проходил мимо одного слова).

Используя еще одно известное название, можно определить творчество Леонида Аронзона словами "Мир как красота". Действительно, в его стихотворениях то и дело встречаются эпитеты чудесный, красивый, прекрасный и их синонимы: ...о день чудесный; Как летом хорошо — кругом весна!; ...озер, / красивых севером...: Снег освещает лиц твоих красу; Река / красиво в воздухе висят, / где я... / смотревши на нее красив; ... и ты была так хороша; некий чудный сад; о, как прекрасной столь решиться быть смогли вы... наконец, — Боже мой, как все красиво... Поэту свойственно присходить в восхищение²² (ср.: И я восхитился Ему²³ стихотворением), пребывать в высшей его точке, — однако восхищение сменяется отчаянием: Нет в прекрасном перерыва. / Отвернуться б, но куда? — и он признается: Качели, — сказал дядя, — возносили меня и до высочайшей радости и роняли до предельного отчания... всякий раз крайнее состояние казалось мне окончательным. Ему хочется "остановить мгновение", когда прекрасного нет, / только тихо и радостно рядом.

²¹ О.Э. Мандельштам. Восьмистишия, 6.

²² Это восхищение дышит во многих стихотворениях поэта. Так О.С. Сорокин признается, что ему "уже много раз хочется быть девушкой", читая сонет Неушто кто-то смеет вас обнинять..., который поэт написал "восхитившись" красотой одной общей знакомой (37, с. 47).

²³ Т.е. Господу. См. выше, прим. 9.

...Знаете ли вы последнее, что сказал дядя: "Качели
зборвались: - перетерлись веревки".

Остановимся ненадолго на языке поэта. Стихи Аронсона наполнены как реминисценциями и аллюзиями, так и прямыми (иногда, впрочем, видоизмененными) цитатами. Так, например, этих Там я лечу, объятый розой, - конечно же, "заимствован" из приведенного на с. 24 четверостишии А.Е. Анаевского (ср. также наши примечания, - о.). В следующих заметках, посвященных поэтике Аронсона, мы попытаемся не только подробно проанализировать его язык, но, в частности, и рассмотреть проблему чужого слова в контексте его произведений. Сейчас же мы хотели бы отметить только три положения.

Несмотря на кажущуюся "велеречивость", по определению С.Сорокина (37, с. 47), язык поэта тяготеет к лаконизму и простоте. Длинные, распространенные предложения ранних стихотворений (некоторые из них состоят всего лишь из одной - ! - фразы²⁴) постепенно сокращаются в краткие, приобретая чуть ли не лапидарность. Напряжение ранних стихов, создаваемое напором, водопадом бьющей словесной массы, превращается в напряжение пауз между фразами и даже отдельных, рядом стоящими словами (собственно, именно об этом показано в сонете Есть между всем молчание. Одно...). Повторяясь, язык поэта стремится к лаконизму, обнажанию²⁵. Так,

²⁴ Отмечено С.Дедюхиним (см. прим. 4).

²⁵ Невольно вспоминается гениальная евангельская remarка Введенского: Уважай бедность языка. Уважай нищие мысли (Введенский А.И. Поли.собр.соч. - Ани Арбор: Ардис, 1980, т.1, с. 142). Отметим, что у Аронсона и Введенского есть немало точек соприкосновения, о чем мы уже упомянули несколько лет назад (37, с. 43), однако это совершенно особая тема, на которой мы не будем сейчас останавливаться.

например, строка стихотворения Что явит лот, который брошен в небо..., полтора года спустя записывается в виде отдельного одностroчия:

Я плачу, думая об этом.

В поэтическом словаре Аронзона останавливают внимание некоторые слова-иероглифы²⁶. Таковы часто встречающиеся слова дева (также дена), лицо (лик), небо (небеса), пленер (перевоз), ручей (также река), свеча и холм (иногда замещается горами). Очень интересен случай, если можно так выразиться, иероглифа в квадрате: ...мои глаза лица / увидели безоблачное небо, / и в небе молодые небеса (выделено мной, - В.Э.).

26 Термин иероглиф, предложенный в начале 30-х гг. Л.С. Липавским, обозначает многозначные в поэтике автора слова, всегда им употребляемые с постоянным подразумеваемым контекстом. Этот термин введен в научный обиход Я.С. Друскиним в его работе Звезда бессмыслицы, посвященной сочинениям Введенского (см. комментарий к ним М.Мейлаха: Введенский А.И. Ук. соч, т.2, - в печати). - Подобные построения проводятся в последние годы Е.А.Шварц, выявляющей сходные словокомплексы, определяя их как стихи, которым подчинено все творчество поэта. Так в Статье об Аронзоне она пишет: "...стихия выбирает себе поэта, как ветер щет дымовую трубу, чтобы гудеть, а не труба ветер... Холм и свеча у него одновременно символы и любви, и смерти. Он поэт смерти в обличии любви" (113). Стихиами двух других поэтов являются, по ее мнению, вода - для М.А.Кузмина и платье (плетье) - для А. Кушнера...

В приведенном примере присутствуют также такие излюбленные поэтом приемы, как инверсия (иногда такая сложная, как Все ломать с слова заостренные манией копья) и тавтология (...посмешного сметь), которыми он широко пользуется и в шуточных, и в "обычных" стихотворениях. Эти приемы, а также нарочитое смешение высокого и низкого стиляй позволяли автору вводить в свои произведения особого рода остранение, которое он сам определял²⁷ как юмор стиля. Этот юмор стиля Аронзон находил у многих поэтов-предшественников, начиная от А.К. Толстого и кончая Заболоцким (другой Заболоцкого по ОБОРУ поэт, как мы уже отметили, почти не знал).

Вот несколько примеров юмора стиля в его стихотворениях: Гуля вокруг собственного я, / кружил в траве тицелный кук, / и оси, каля глубь цветка, / шуршали им издалека; Вокруг меня сидела дева, / и к ней лицом, и к ней спиной / стоял я, опершись на древо; ...сплыть спуститься в сад, / доселе никогда в котором не был; Весь день бессонница. Бессонница с утра ... В часы бессонницы люблю я в кресле спать; ...лицо женщины, а в нем ее глаза; Развится фауна во фьоре, / топча ее и поедая; Погода - дождь. Взираю на свечу, / которой нет; ...стояло дерево - урона; В рай попущенный ²⁷ заочно и, наконец, ...в пустом гробу лежит ставуха вини ...

Мы коснулись в этих заметках в основном только одной, главной, на наш взгляд, темы творчества Леонида Аронзона. Эта тема, конечно, всего его творчества не исчерпывает: за пределами статьи остались, в частности, ранние стихотворения поэта, которые, как мы уже отметили, сами по себе заслуживают детального разбора. Приводя иногда немногочисленные примеры из них, мы только слегка осветили истоки той самой основной темы, которую рассматривали выше. Мы ничего не сказали о формальной стороне поэтики Аронзона, о ее традиционной (при этом варывающей, разрушающей изнутри) основе и о его экспериментах в области, условно говоря, авангардной поэтики. Ничего не сказано о проблеме времени в твор-

²⁷ Т.е. никовая дама из одноименной повести А.С.Пушкина (1799-1837).

честве поэта, о его литературных взаимосвязях; наконец, - ничего не сказано и о его юноческих стихотворениях и стихотворениях, обращенных к друзьям²⁸ (~~юношескими сочинениями~~, ~~написанными для друзей~~). Все эти темы будут разрабатываться нами в последующих статьях.

В заключение следует сказать о творческом наследии поэта. Помимо главного - стихотворений, - Аронзоном написано несколько драматических сочинений и около пятидесяти позаимствованных. Начиная с 1966 года, он писал стихи для детей и написал их около ста. Из шести почти сотен стихотворений и двух десятков поэм (некоторые из них также написаны в драматической или, по крайней мере, диалогизированной форме) около двухсот не окончены, несколько написаны в расчете на опубликование в официальной печати, около пятидесяти также носят случайный характер. Несомненную ценность (литературную прежде всего) имеют его записные книжки и многочисленные заметки для себя.

В последние годы сложился некий "устоявшийся" набор стихотворений поэта. Самая обширная его подборка составлена Е.А.Шварц и издана отдельным изданием.²⁹ Однако, хотя "достаточно беглого знакомства с поэзией Аронзона, чтобы вынести неизгладимое впечатление цельности, стройности, ясности, красоты" (Р.Топчиев), следует все же помнить четверостишие самого автора

²⁸ Не можем не привести крайне возмутительное и бесцеремонное по своему тону высказывание В.Андреевой: "Аронзон жил в замкнутом кружке близких ему людей, в котором были тесные, даже несколько душные отношения (?! - В.Э.) - понятные только здесь шутки, намеки, ассоциации, стихи (?! - он же), адресованные друг другу щелевые послания" (95). С другой стороны, мы должны быть благодарны ей за приведенную замечательную фразу Анри Волохонского об Аронзоне: "Был он, особенно к концу жизни, очень красив" (там же).

²⁹ Аронсон Л. Избранное. - Л., 1979.-33 лист Зс. (Лит. приложение к журн. Часы). - В книгу (маниполись) входит всего лишь 42 стихотворения, Запись бесед и два прозаических текста.

Как стихотворец, я не плох.
Все оттого, что, слава Богу,
хоть мало я пишу стихов,
но среди них прекрасных много!

и не забывать его при составлении новых подборок и, тем
более, книг поэта.

Еще одно замечание. В разные годы Аронзон неоднократно
составлял списки своих стихотворений, последний из них был
составлен им летом 1970 года. В этот список включено 65
стихотворений, цикл Запись бесед и 5 поэм. Из всех этих
произведений только два-три, может быть, несколько уступают
остальным. По крайней мере, мы имеем последнюю
вторую волну поэта, которая во все времена
служила и будет, надеемся, служить законом, преступить ко-
гортель нельзя. К этому списку можно (и нужно!) добави-
ть те или иные стихотворения (в частности, такие про-
шущенные автором шедевры, как Горацио, Пилад, Альтшулер,
Брат.... Вокруг лежащей природы... и Несчастно как-то в
Санкт-Петербурге...), но убавить - нельзя ничего.³⁰

Владимир Зиль

³⁰ Со своей стороны, мы представляем себе такой однотомник поэта, который показал бы читателю весь творческий путь автора и одновременно дал его творчество во всем его разнообразии и цельности. Такое Избранное должно включить от двухсот до двухсот пятидесяти стихотворений и поэм (включая, несомненно, и неоконченные), а также представить драматургию, прозу и многие записи из запис-
ных книжек.

х

х

х

Л.А. умер, когда ему было тридцать один год. Это произошло 13 октября 1970 года под Ташкентом. Мы поехали туда отдохнуть и попутешествовать. Там в горах в случайной пастушьей сторожке ему попалось это злосчастное охотничье ружье, и он ночью вышел из сторожки и выстрелил в себя.

Меня не было с ним рядом, но я слышала, как в этот момент загрохотали горы, померкла луна и заплакали друзья — его ангелы на небе. И я все поняла, находясь за сотни километров от него.

Его смерть была основным событием в его жизни. Таким же, как поэзия, детство, Россия и еврейство, любовь, друзья и веселье. Родом он был из рая, который находился или где-то поблизости от смерти. Хотя прожил он всю свою жизнь в Ленинграде. Из своих тридцати одного года двадцать пять лет он писал стихи, двенадцать лет мы прожили вместе в огромной любви и счастье. Он работал учителем русского языка, литературы и истории, а также грузчиком, мыльоваром, сценаристом, геологом. Стихи его при жизни не печатали никогда. Настроение было плохое.

Рита Аронсон-Пуринская

...Но я в жизни не встречала человека более веселого, остроумного и обаятельного, чем он.

х х х

О Господи, помилуй мя
на переулках безымянных,
где ливни глухо семенят
по тротуарам деревянным,
5 где по булыжным мостовым,
по их мозаике, по лужам,
моей касаясь головы,
стремительные тени кружат.

9 И в отраженьях бытия —
потусторонняя реальность,
и этой ночи театральность
превыше, Господи, меня.

1961

ПСКОВСКОЕ ПОССЕ

9 Белые церкви над родиной там, где один я...
Где-то река, как тоска, затянув перешеек...
Черные птицы снуют над своим отражением.
Кони плывут и плывут, огибая сelenья.
Вот и поссе. Резкий запах осеннего дыма.
Листья слетели, остались открытыми гнезда.
Рваный октябрь, и рощи проносятся мимо.
Вот и река, где тоска, что осталось за ними?

Я проживу, прокричу, словно осени птица.
В грязном дожде все на веру пришу, кроме смерти,
около смерти, как где-то река возле листьев,
возле любви и не так далеко от столицы.
Вот и деревья. В лесу им не страшно ли ночь?
Длинные фары пугают столбы, и за ними
ветки стучат и кидаются тени на рощи.
Мокрый асфальт отражается в коже любымой.

17 Все остается. Так здравствуй, моя запоздалость.
Я не найду, потеряю, но что-то случится.

Возле меня, да и после кому-то осталась
рваная осень, как сбитая осенью птица.
Белые церкви и бедные наши забавы
Все остается, осталось, и, вытянув шеи,
кои плывут и плывут, окунаются в травы,
черные птицы снуют над своим отражением.

1961

- х х х -

Вроде игры на арфе чистое утро апреля.
Солнце плечо припекает, и, словно старцы-евреи,
синебородые, в первые числа Пасхи,
в каждом сквере деревья, должно быть, теперь пре-
красны.

- 5 Свет освещает стены, стол и на нем бумаги,
свет - это тень, которой нас одаряет ангел.
Все остальное после: сада стрекозы, слава.
Как, должно быть, спокойны шлемы церквей, опуская
в это чистое утро, переходящее в полдень,
10 подобное арфе и кроме - тому, о чем я не помню.

5 апреля 1964 г.

ПОСЛАНИЕ В ЛЕЧЕБНИЦУ

В паомурном парке рисуй на песке мое имя, как при свече,
И доживи до лета, чтобы сплести венки, которые унесет ручей.
Вот он петляет вдоль мелколесья, рисуй имя мое на песке,
словно высокшей веткой, которую ты держишь сейчас в руке.
Высока здесь трава, и лежат зеркалами спокойник небесных
небес
голубые озера, качая удвоенный лес,
и вибрируют сонно папиресные крылья стрекоз голубых,
ты идешь вдоль ручья и роняешь цветы, смотришь радужных
рыб.

Медоносны цветы, и ручей пишет имя мое,
образуя ландшафты: то мелкую заводь, то пляс.
Да, мы здесь пролежим, сквозь меня прорастает, ты слышишь,
трава,

и, приплитый к земле, вику сонных стрекоз, слышу только
слова:
может быть, что лесничество тусклых озер нашей жизни итог:
стрекотенье стрекоз, самолет, тихий плес и сплетенье цветов
го пространство души, на котором холмы и озера, вот кони
бегут,
и кончается лес, и, роняя цветы, ты идешь вдоль ручья по
сырому песку,
вслед тебе дуют флейты, рой бабочек, жизнь тебе вслед,
провокая тебя, все зовут, ты идешь вдоль ручья, никого с
тобой нет,
ропный свет надо всем, молодой от соседних озер,
будто там вдалеке из осеннего неба построен высокий и
светлый собор,
если нет его там, то скажи, ради Бога, зачем
мое имя, как ты, мелколесьем петляя, рисует спокойный, не-
быстрый и мутный ручей,
и читает его пролетающий мимо озер в знойный день самолет.
может быть, что ручей - не ручей,
только имя мое.
Так смотри на траву по утрам, когда тянется медленный пар,
рядом свет фонарей, зданий свет, и вокруг твой безлиственный
парк,
где ты высокшней веткой рисуешь случайный, небыстрый и
мутный ручей,
что уносит венки медоносных цветов, и сидят на плече
мотыльки камыша, и полно здесь стрекоз голубых,
ты идешь вдоль ручья, и роняешь цветы, смотришь радужных
рыб,
и срываешь с нотных листов от руки иной набросанный дождь,
ты рисуешь ручей, вдоль которого после идешь и идешь.

Апрель 1964 г.

МАДРИГАЛ

Рите

Как летом хорошо - кругом весна!
то в головах поставлена сосна,

то до конца не прочитать никак
китайский текст ночного тростника,
то яростней горошины свистка
шмель виснет над плюнами цветка,
то, делая мой слог велеречив,
гудит над Вами, тонко Вас сравнив.

Лето 1966 г.

ВИДЕНИЕ АРОНЗОНА (НАЧАЛО ПОЭМЫ)

На небесах безлюдье и мороз,
на глубину ушло число бессмертных,
но караульный ангел стуку терпит,
невысоко петляя между звезд.

5 А в комнате в роскошных волосах
лицо жени моей белеет на постели,
лицо жени, а в нем ее глаза,
и чудных две груди растут на теле.

9 Лицо целую в темя головы,
мороз такой, что слезы не удержишь,
все меньше мне друзей среди живых,
все более друзей среди умерших.

13 Снег освещает лиц твоих красу,
моей души пространство освещает,
и каждым поцелуем я прощаюсь...
Горит свеча, которую несу

17 на верх холма. Заснеженный бугор.
Взгляд в небеса. Луна еще желтала,
холм разделяв на темный склон и белый.
По левой стороне тянулся бор.

21 На черствый наст ложился новый снег,
то тут, то там топорщилась осока,
неразличим, на темной стороне.
был тот же бор. Луна светила сбоку.

- 25 Пример сомнамбулических причуд,
я поднимался, поднимая тени.
Поставленный вершиной на колени,
я в пыльный снег легко воткнул свечу.
Январь 1968 г.

х х х

Есть между всем молчание. Одно.
Молчание одно, другое, третье.
Полно молчаний, каждое оно -
есть материя для стихотворной сети.

- 5 А слово - нить. Его в иглу проденьте
и словонитью сделайте окно -
молчание теперь обрамлено,
оно - ячейка невода в сонете.
- 9 Чем более ячейка, тем крупней
размер души, запутавшейся в ней.
Любой улов обильный будет мельче,
чем у ловца, посмевшего сметь
гигантскую связать такую сеть,
в которой бы была одна ячейка!

1968

х х х

Нас всех по пальцам перечесть,
но по перстам! Друзья, откуда
мне выпала такая честь -
быть среди вас? Но долго ль будут

- 5 На всякий случай: будь здоров
любой из вас! На всякий случай,
из перепавших мне даров,
друзья мои, вы - наилучший!
- 9 Прощайте, макро. Своя
на все печаль во мне. Вечерний

сиху один. Не с вами я.
Дай Бог вам длинных виночерпий!

1969.

х х х

На стене полно теней
от деревьев. (Многоточье).
Я проснулся среди ночи:
жизнь дана, что делать с ней?

5 В рай допущенный заочно,
я летал в него во сне,
но проснулся среди ночи:
жизнь дана, что делать с ней?

9 Хоть и ночи все длинней,
сутки те же, не короче.
Я проснулся среди ночи:
жизнь дана, что делать с ней?

13 Жизнь дана, что делать с ней?
Я проснулся среди ночи.
О жена моя, воссия
ты прекрасна, как во сне!

1969.

ПУСТОЧНЫЙ СОНЕТ

Кто вас любил восторженней, - чем я?
Храни вас Бог, храни вас Бог, храни вас Боже.
Стоят сады, стоят сады, стоят в ночах,
и вы в садах, и вы в садах стойте тоже.

Хотел бы я, хотел бы я свою печаль
вам так внушить, вам так внушить, но потревожив
ваш вид травы ночной, ваш вид ее ручья,
чтоб та привык, чтоб та трава нам стала ложем.

Проникнуть в ночь, проникнуть в сад
проникнуть в нас, поднять глаза, поднять глаза,
чтоб с небесами сравнить и ночь в саду
и сад в ночи, и сад, что полон вашими ночными

голосами.

Иду на них. Лицо полно глазами...
Чтоб вы стояли в них, сяди стоят.

х х х

Благодарю Тебя за снег,
за солнце на Твоем снегу,
за то, что весь мне даний век
благодарить Тебя могу.

- 5 Передо мной не куст, а храм,
храм Твоего КУСТА В СНЕГУ,
и в нем, припав к Твоим ногам,
я быть счастливей не могу.

1969

х х х

В двух шагах за тобой рассвет.
Ты стоишь вдоль прекрасного сада.
Я смотрю — но прекрасного нет,
только тих и радостно рядом.

- 5 Только осень разбросила сеть,
ловит души для райской альковни.
Дай нам Бог в этот миг умереть,
и, дай Бог, ничего не запомнив.

〈Лето 1970〉

х х х

Как хорошо в покинутых местах!
Покинутых людьми, но не богами.
И дождь идет, и мокнет красота
лесных деревьев, поднятых холмами.

- 5 И дождь идет, и мокнет красота
лесных деревьев, поднятых холмами,
как хорошо в покинутых местах,
покинутых людьми, но не богами!

〈сентябрь 1970〉

УТРО

Каждый легок и мал, кто взошел на вершину холма,
так и легок, и мал он, венчая вершину лесного холма.
Лей там замок, чья душа или это молитва сама?
Лас в детей обращает вершину лесного холма!
Листья дальних деревьев, как мелкая рыба в сетях,
и вершину холма украшает нагое дитя!
Если это дитя, кто вознес его так высокот?
Детской кровью испачканны стебли песчаных осок.
Собирая цветы, называй их: вот мальва! вот мак!
то память о раз венчает вершину холма!
Ее младенец, но ангел венчает вершину холма,
то не кронь на осоке, а в травах разросшийся мак!
Кто бы ни был, дитя или ангел, холмов этих пленик,
на вершине холма заставляет упасть на колени,
на вершине холма спускаешься вдруг на колени!
Ее дитя там - душа, заключенная в детскую плоть,
но младенец, но знак, знак о том, что здесь рядом Господь.
Листья дальних деревьев, как мелкая рыба в сетях,
посмотри на вершину: на каждой играет дитя! ..
Собирая цветы, называй их: вот мальва! вот мак!
то память о ~~Боге~~ Боге венчает вершину холма!

1966

.....

ПРИМЕЧАНИЯ

Стихотворения печатаются по беловым рукописям поэта (точнее сказать — машинописям, т.к. Аронсон перебралли свои стихотворения — а чаще и прямо писал — на машинке). Небрежности в пунктуации, описки и опечатки устраняются безоговорочно; отклонения от современных норм, характерные для автора, сохраняются.

Помимо указанных ниже публикаций все стихотворения — (кроме трех — Псковское шоссе, В двух шагах за тобой рассвет... и Как хорошо в покинутых местах..., а также приведенного нами в первой части предисловия, включении Б.А. Шварц в составленную им книгу Л.Аронзона Избранное (Л., 1979. — Литературное приложение к журналу Часы). Кроме того, несколько стихотворений были опубликованы в журналах Гномис и Континент. Никакой информации об этих публикациях поэта мы получить не смогли; более того, публикация во второй из названных журналов никем пока еще не подтверждена.

О Господи, помилуй мя... — Впервые опубликовано автором в рки.альманахе поэтов Малой Садовой Giotelli (СШ.: Народное просвещение, 1965). Стихотворение входит в цикл Лесничество (шесть стихотворений), открывая его. Стихотворения цикла существовали, впрочем, и в качестве самостоятельных произведений.

Псковское шоссе — Впервые опубликовано там же. Здесь печатается по позднейшей (1969?) рукописи. В ранних авторских списках малая пунктуация: стихотворение состоит из шести развернутых фраз, каждая фраза составляет четырехстопные и связана лишь запятыми.

Разнотекстия разных редакций: ст.ст 3 и 24: черные птицы снуют надо мной, как мишени; ст.6: ...остались последние гнезда; ст. 9: ...как отставшая птица; ст.10: нико кружась...; ст. 24: черные птицы кружат надо мной, как мишени.

Вроде игры на арфе чистое утро апреля... — Впервые опубликовано там же; перепечатано Е.А.Шварц в журнале 37 (№ 12. — Л., 1977, осень). Точная дата написания восстанавливается по первой публикации.

Послание в лечебницу. — Впервые (под первоначальным заглавием Послание в сумасшедший дом) опубликовано вместе с тремя первыми стихотворениями. Включалось в антологию Лента (Л., 1975), откуда перепечатано журналами Часы (№ 7. — Л., 1977) и 37 (№ 12). Стихотворение Послание в лечебницу (так же, как и одновременно написанное Вроде игры на арфе... и Гоблен) можно, на наш взгляд, рассматривать как соперничество со знаменитым стихотворением Бродского Ты — поскачешь во мраке... причем Аронсон, "слиш" стихи поэт-современника, наполняет заимствованную (если только можно говорить о заимствовании!) форму сугубо своим, личным содержанием, впервые полностью развертывая перед нами картину своего пейзажа-мира.

Из пригала. — Включалось в антологию Лента, откуда перепечатано журналом 37 (№ 12). Одновременно опубликовано журналом Евреи в ССР (№ 16. — М., 1977, декабрь). Окончательный текст печатается впервые.

Ст. 6 первой редакции: щемль виснет над цветком (окончательный вариант строки впервые зафиксирован автором в зап. кн. № 6, л. 6 в сентябре 1967 г.).

Аронсону принадлежат еще два стихотворения с тем же названием (и, разумеется, тем же посвящением): Глаза твои, красавица, лягли... (см. нашу публикацию в журнале Обводный канал: № 3. — В печати) и входящее в книгу Автодистишие:

Нет, только ангела первом
писать бы я тебе решился!

Видение Аронзона (Начало поэмы). — Включалось в антологию Лента, откуда перепечатано журналом Часы (№ 7). Одновременно опубликовано журналом Евреи в ССР (№ 16). Включено в только что вышедшую рукописную антологию Остров (составители: А.Антипов, В.Колкер, С.Нестерова, З.Шней-

ерман. — Л., 1982). Под настоящим названием, зафиксированным автором в его последнем списке (см. о нем в нашем предисловии), печатается впервые. Первоначальное заглавие: Лачало поэмы.

Сохранились черновые наброски стихотворения:

- 1) Печальней нету одному на кухне
сидеть вдвоем, красиво в снегах опухнув,
покуда день еще не начался,
окна темно, гремят часы ручные,
ночные кошки уж давно отыгли,
и до ворот осталось полчаса...
А в комнате в роскошных волосах
лицо жени на скомканной постели,
лицо жени и в нем ее глаза,—
и чудных две груди растут на теле.
Но все тут некотя, все как-то еле-еле,
играет радио на всех виолончелях,
и в небесах полно, должно быть, звезд,
их свет игольчатый проскальзывает в щели,
но нету сил подняться во весь рост.
На небесах безлюдье и мороз.
Ушли в глубини ангелы и черти,
и только караульный ангел терпит,
глаза украсив бриллиантом слез.
- 2) Печальней нету одному на кухне
сидеть вдвоем, невесело опухнув,
покуда день еще не начался,
и окна темны, и из-за спины их
ниче не увидеть небеса ночные,—
и до ворот чуть больше полчаса.
А в комнате в роскошных волосах
лицо жени блеет на постели,
лицо жени и в нем ее глаза,—
и чудных две груди растут на теле.
На небесах безлюдье и мороз.
Ушел в глубини легион засмертных,
и только караульный ангел терпит,
собой петляя между низких звезд.

Далее повторено последнее четверостишие (ср. ст.ст. 1-4 кончательного текста) с вариантами: ...легион бессмертных
и ...между диких звезд.

Имеются также две близкие первоначальные редакции собственно стихотворения (обозначаем их а и б). Приводим варианты:

Заглавие (оторвано, - и.б. Випение Аронзона?), - б.

Посвящение: Вадиму Бытенскому (зачеркнуто), - б.

Ст.5: А в комнатах... - а, б.

Ст.ст. 9-12 зачеркнуты, - б.

Между ст.ст. 12-13 зачеркнуто (а):

С ушедшим есть о чем поговорить,
хотя б о том, что не о чем с-живыми,
хотя б о том, о чем великий гид
рассказывал, бродя в засмертном Риме.

Хотя б о том, что вот уж два вчера,
два зимних дня пяти четверостиший,
два дня, как не хочу я умирать,
хотя б о том, что снег и пылен.

Ст.14: моей луши печальность освещает, - а.

Ст.16: Чаит свеча... - а.

Ст.24: лес чуть шумел. - а.

Между ст.ст. 24-25 зачеркнуто (а, б):

Чтобы подняться на ландшафта горб,
я руку удлинил обрубком ветки.
Гигантский раня палкою сугроб,
я нес свечу. Огонь метало ветром.

На полях (в а) вариант: огонь, что трепетал от ветра (зачеркнуто).

После ст. 28 (а, - только первая строфа, зачеркнуто; б, - три строфы):

Лесничества полуночный ландшафт
соперничал покоем с небесами,
и, часового ангела догнав
как для молитв подъятими глазами,
я прошелся: "О Господи!". От звезд

шёл снег в лицо. Луна была и стука.
И было видно, как летящий нес,
укрыв крылом, отторженную душу.

Мимо луны в холодной, чистой мгле
дозорный ангел пролетел над ночью.
Еще на холм и взгляд с него короче
так стала жизнь на утреннем холме.

Стихотворение действительно мыслилось автором сначала как первая глава поэмы (после заглавия и посвящения в рукописи б стоит: 1, т.е. первая глава). 21 января (отмечено в дневнике Р.Пурининской) Аронсон начинает вторую главу (два варианта):

1)

ПРОДОЛЖЕНИЕ НАЧАЛА

Обратный путь лежал через поля.
В каких-то полчаса до горизонта
из темноты темнел кустарник плотный,
и мелкий снег в снегу его петляя.

Нетронутый продавливая наст,
под час спиной - под час

2)

Обратный путь лежал через поля.
Был крупный снег. Уже луна жалела,
деля холмы на темный склон и белый,
и мелкий снег в кустарнике петлях.
На черствый наст ложился новый снег,
то там, то тут топорщилась осока,
и с каждым шагом отставал и очаг,
луна все время оставалась сбоку.
И потому как ветер дул сильней -
а путь лежал от дома к побережью -
случайный бор все становился реке,
но вместе с тем росло число камней.
Финляндия полуночный ландшафт
купал в снегу развязшегося зверя,
напоминая диалог о вере,
где каждый думал, что противник прав.
Бог, триедин для слабого ума.
Бог неделенний труден для обещья.

— Поставь свечу на самый верх холма,
огонь даст свет, а там, где свет, там — тени.
— Снег освещает ровно. Бог — покой,
Он вне борьбы, где суета — там — люди,
Христос бы сам на пощелуй к Иуде
явился бы с открытой тоской.
— Всего владелец, свет создав и тьму,
Господь разбил надел на половины,
одну дал дьяволу, другую Богу-Сыну,
не указав дотомно, что кому.

стъ между всем молчание. Одно... — Сонет включался
в антологию Ланта, откуда был перепечатан журналами Часы
и 7 и 37 (в 12). Включен в антологию Острова. Печатается
ю незавершенной автором книге Сонеты. Включался (с незна-
имительными разночтениями) в первоначальный вариант цикла
апись бесед, мыслившихся в то время как большая книга
~~записи о жизни и творчестве писателя~~ ~~записи о жизни~~)
ас всех по пальцам перечесть... — Впервые опублико-
вано Е.А.Шварц в составленной ею книге Л.Аронзона Избранное,
30. Включено в антологию Острова. Печатается по беловой
укоинии с зачеркнутой 4-й строфой:

Мы все — кто в тюрьмах, кто в крови,
кто в славе, кто еще не в славе,
кто в головах с пучком хвоя —
но каждый дорог мне как Аверль.

Летом 1969 года в Гурзуфе автор записал на местной
тудии стихотворение на пластинку (прочитав четыре строфы)
послал это "звуковое письмо" в С.Сорокину. У того же
С.Сорокина находилась авторская машинопись стихотворе-
ния, где 4-я строфа предшествовала 3-ей, а ст. 11 имела
разночтение: отдельный всем, не с вами я.

Сохранились также черновые наброски, из которых при-
дем лишь наиболее существенные:

Ст. 9: Спешу вдохновенное; проща!

Ст. 13216 (во втором цикле набросков это ст. 9-12):

- 1) Взглядите, вы уже - в крови,
в бедламах, в тюрьмах или в славе,
и благовоние хвои
уже знакомо нам
- 2) Из тех, кто в тюрьмах, кто в крови
- 3) Мы все (кто в тюрьмах, кто в крови,
кто в славе, кто еще не в славе,
кто в головах с пучком хвои)
- 4) Смотрите, вы уже в крови,
вы (в) тюрьмах, в славе и в неславе,
- 5) Смотрите, вы уже - в крови,
в бедламах, тюрьмах, в отраженьях

Варианты 3-5 написаны после уже готовой 4-й строфи.

На стенах похищены... — Впервые опубликовано в журнале Евреи в СССР (№ 16).

Жизнь дана, что делать с ней? — вольная контаминация двух стихов: пушкинского Жизнь, зачем ты мне дана? и мандельштамовского Дано мне тело — что мне делать с ним...

Пустой сонет. — Включался в антологию Лепта, откуда перепечатан журналами Часы (№ 7), 37 (№ 12) и Голос (вып. 1. — Л., 1978, январь). Включен в антологию Острова. Печатается по незавершенной авторской книге Сонеты (автограф). Имеются также авторские машинописи, где сонет напечатан в "нормальном" виде — два варианта: в первом — три четверостишия и двустишие (этот вариант воспроизводится во всех указанных публикациях), во втором — еще более традиционное написание: два кватрона и два терцета. Этот, второй вариант снабжен язвительной авторской припиской: Прим. В оригинале сонет написан по рамке листа.

Благодарю Тебя за снег... — Впервые опубликовано в журнале Время и мы (№ 5. — 1976, март, с. 98). Перепечатано журналами 37 (№ 12) и Голос (вып. 1). Включено в антологию Острова.

Передо мной не куст, а храм, / храм Твоего ЮСТА В СНЕГУ... - ср. Запись бесед, 1У: И я восхитился Ему стихотворением: / - Не куст передо мной, а храм ЮСТА В СНЕГУ...

В двух шагах за тобою рассвет... - Печатается впервые по беловому автографу. Вошло в нашу публикацию в журнале Обводный канал (13. - В печати).

- Следующий набросок (автограф) - первое четверостишие с разночтением в ст. 2: Ты стоишь перед утренним садом.

Как хорошо в покинутых местах... - Печатается впервые. Вошло в нашу публикацию в журнале Обводный канал (13. - В печати). В таком виде стихотворение читалось автором жене и друзьям. Существует не вполне доработанный вариант этого стихотворения (22 строки) с большим количеством - 12 страниц - набросков к нему. Приводим этот вариант:

Как хорошо в покинутых местах!
Покинутых людьми, но не богами.
И дождь идет, и мокнет красота
старинной рощи, поднятой холмами.

И дождь идет, и мокнет красота
старинной рощи, поднятой холмами.
Мы тут одни, нам люди не чета.
О, что за благо выливать в тумане!

Мы тут одни, нам люди не чета.
О, что за благо выливать в тумане!
Запомни путь слетевшего листа
и мысль о том, что мы идем за ними.

Запомни путь слетевшего листа
и мысль о том, что мы идем за ними.
Кто наградил нас, друг, такими снами?
Или себя мы наградили сами?

Кто наградил нас, друг, такими снами?
Или себя мы наградили сами?
Чтоб застрелиться тут, не надо ни черта:
ни тяготы в душе, ни пороха в нагане.

Ни самого нагана. Видит Бог,
чтоб застрелиться тут, не надо ничего.

- Приведенный вариант - последнее, написанное Леонидом Аронзоном, - включался в антологию Лепта, впервые был опубликован в журнале Время и мы (№ 5, с. 99), перепечатан в альманахе Аполлон-77 (Париж, 1977, с. 96) и в журналах Часы (№ 7), 37 (№ 12) и Голос (вып. 1); включен в антологию Острова.

Утро. - Включалось в антологию Лепта, откуда было перепечатано журналом Часы (№ 7), 37 (№ 12) и Голос (вып. 1). Включено в антологию Острова.

Первоначальная редакция стихотворения (подарена автором Д.В. Макринову) разбита на строфы (ст.ст. 1-4, 5-6, 7, 8-10, 11-12, 13-15, 16-17, 18-19 и 20-21); строфы 2-9 начинаются с тире, т.е. является прямой речью. Ст.ст. 14 и 15 следовали в обратном порядке.

После ст. 15:

- О, с высокой вершине земли - благодатная пойма и большие озера с вершинами плоски и спокойны.
- Отраженная жизнь в зеркалах или снег, на картине это память о раз, и ангел стоит на вершине.
- Да, с вершинами холма ты увидишь селений рай, на вершине холма ты лесными цветами играешь.
- Что бы ни было здесь, отраженному миру - хвала! Свет исходит оттуда, а здесь освещенная тьма.
- Тишина по утрам - тишина высоты и в картине, мир покрыт тишиной, когда ты на высокой вершине.
- Третья из приведенных строф-реплик первоначально помещалась после ст. 19-го.

Имеется еще один вариант стихотворения, также разбитый на строфы, но уже без приведенных выше.

Встречающееся в списках "разночтение" последнего списка (это память о раз...), попавшее, к сожалению, в большинство указанных публикаций, автору не принадлежит, - это механическая ошибка переписчиков.